

«А Я БЫ ЕЩЕ ПОПЕЛА...»

В ТВОРЧЕСКОЙ практике это был, пожалуй, один из немногих случаев, когда молодую певицу, вчерашнюю выпускницу консерватории, сразу же, как говорят, с корабля на бал, ввели на главную роль. Да еще в один из ответственных спектаклей. Да еще в самое горячее время в жизни театра.

— Я и сама, — рассказывает Лариса Зырянова, — не ожидала такого поворота событий. Но факт остается фактом: как только я, выпускница Одесской консерватории (а меня учила прекрасный педагог и музыкант Мария Васильевна Голятовская), была принята по конкурсу в Горьковский театр оперы и балета имени А. С. Пушкина, мне предложили роль Татьяны Лариной, героини известной всем и каждому оперы Петра Ильича Чайковского «Евгений Онегин».

— Когда это случилось!

— Без малого четыре года назад, а если хотите точнее — 13 июля 1972 года.

— Где!

— Во время гастролей нашей горьковской оперы в Волгограде.

— Партия Татьяна Ларина — одна из самых популярных в мировом оперном репертуаре, но это не означает, что и самые легких?

— Разумеется!

— Тогда, что же помогло вам заполнить ее? Особые данные? Особая подготовка?

— Все гораздо проще, — смеется моя собеседница, — дело в том, что на день моего прихода в театр ему больше была нужна Татьяна Ларина, чем Лариса Зырянова. Ее последнюю роль здесь сыграло и то, что образ Татьяны Лариной — моя дипломная работа, моя путевка в творческую жизнь.

— С Татьяной Лариной, как вы говорите, вас свел его величество Случай, но и в дальнейшем все шло так, что вам грешно жаловаться на свою творческую судьбу.

— А я и не жалуюсь. Судьба действительно отнеслась ко мне значительно благосклоннее, чем я предполагала. За столь короткое время пребывания в театре спеть на его сцене мадам Баттерфляй в «Чио-Чио-Сан» Дж. Пуччини, моцартовскую Розину, свободную и любящую Леонору, героиню оперы Дж. Верди «Трубадур», легендарную Ярославну из бординского «Князя Игоря» — об этом может только мечтать

молодая певица. А прибавьте сюда еще рахманиновскую Земфиру (последняя моя работа в театре), Риту Осянину из молчановских «Зорь...», и вы поймете, что жизнь моя в театре складывается довольно удачно.

— Из сказанного вами можно сделать вывод, что у вас едва ли не космические перегрузки в репертуаре...

— Перегрузки не в тягость. Хотите верить, хотите нет, позвольте мне обстоятельство, а бы без ущерба для театра еще попола. С большим симфоническим оркестром, например. В филармоническом концерте. В сольных программах.

— Ну, а представьте, такое случилось. Что бы вы стали петь?

— Самое любимое, самое сокровенное: красивую старинную музыку. Идеалом ее для меня навсегда останутся Бах, Гендель... И еще люблю романсы русских и советских композиторов, где нет конкуренции — Рахманинов.

— Какая из спетых вами партий самая дорогая!

— Да все чем-то памятно... Рита Осянина, к примеру, складом своего характера — мужественным, волевым и... лиричным, необычайно музыкальных характеристик. Партия ее ритмически, интонационно сложная. Потом едва ли не впервые в своей творческой практике мне пришлось идти в работе над образом не от традиционных для оперного театра мелодии, распевности, а от слова, от мысли... Рита Осянина, кстати, очень помогла мне, когда я начала репетировать бородинскую Ярославну. Как не незримые, но очень явные нити связывают эти два образа, делают их духовными и даже, если хотите, физическими родственниками... Только поймите меня правильно, в работе над тем или иным образом я не люблю «цитат», повторов, эксплуатации одних и тех же (пусть и наиболее удающихся мне) приемов. Я за полное перевоплощение. Но тут мне хотелось бы немного посе-

товать. Иной раз очень долго, мучительно ищешь это новое, «разогреваешь» себя бесчисленными репетициями, спевками, а выходит спектакль на зрителя, и оказывается, что будешь занята в нем один-два раза за сезон. Представляете, что это такое для актера — петь Чио-Чио-Сан только два раза в сезон?

— Лариса, так уж сложилось, что не вы выбираете партии, а они вас... Куда денешься от того, что только определенное их число написано для сопрано, т. е. для вашего голоса...

— Вы хотите этим сказать, что у оперного певца более ограниченный, чем у моих коллег из драматических театров, выбор репертуара, меньшие возможности проявить себя?

— Да.

— Не совсем это так. Во-первых, на мой век партий хватит, безработной не останусь. А, во-вторых, дело ведь в природе самого антра, его таланте. И на оперной сцене были свои Шепкины и Мочаловы, Комиссаржевские и Ермоловы... Шалапин с Собиновым, например. А Обухова! А Нежданова... Хватит примеров?

— Вполне... И последний, традиционный вопрос: какую бы партию вы хотели спеть, над чем работаете в эти дни?

— Театр наш в тесном сотрудничестве с композитором А. А. Николаевым напряженно и вместе с тем увлеченно работает сейчас над сценическим воплощением его оперы «Разгром» по одноименному и очень популярному в читательской среде роману Александра Фадеева. Постановочный коллектив посвящает эту свою работу XXV съезду партии. Я, конечно же, очень рада, что занята, что буду петь в этом спектакле... Что будет дальше, сказать трудно, но мне очень хотелось бы спеть на горьковской оперной сцене Мими, героиню оперы Дж. Пуччини «Богема», Лизу из «Пиковой дамы» П. И. Чайковского, вердиевскую Аи-Ау...

— Спасибо, Лариса, за интересный беседу. Хорошего вам творчества, неизменной зрительской любви.

Беседу вел

Г. КОСОЛАПОВ.